Глава 6

ОДИНОКИЙ ЩИТ

Глазам Такаи открылась ужасная картина.

Местом происшествия – и источником того самого страшного грохота – оказалась раздевалка у входа для учеников. Когда Такая прибежал туда, то увидел подоспевших раньше него учителей, но никто ещё не успел ничего сделать; картина была очень свежая.

Такая обвёл взглядом поваленные ящики для обуви и судорожно вздохнул.

Из-под ящиков слышались стоны, виднелись чьи-то руки и ноги, пряди чьих-то длинных волос. Шагнув вперёд, Такая заметил на полу тёмные лужи крови. Кто-то из придавленных лежал как кукла, вообще не шевелясь.

Те из ребят, которым посчастливилось избежать несчастья, сидели на полу в прострации. Какая-то девочка плакала и звала оказавшуюся под завалами подругу.

Такае показалось, что пол уплывает у него из-под ног. Мысли не связывались в предложения.

«Что… что здесь…»

– В любом случае нужно поднять ящики, все, кто есть – помогайте, – раздался голос одного из учителей. – Судзуки-сэнсэй, быстро вызывайте скорую!

– Да, конечно!

Под руководством взрослых школьники принялись за дело, и раздевалка заполнилась шумом и движением.

Всё ещё стоящий в оцепенении Такая услышал, как рядом кто-то из непосредственных очевидцев с жаром говорит:

– Нет, правда! На ровном месте! Вдруг взяли – и упали, все одновременно, сами по себе!

Такая снова втянул в себя воздух. Сами по себе? Стеллажи такой величины?

– Правда! Никто их не трогал!

Голос говорившего в ушах Такаи начал постепенно отдаляться. То, что случилось вчера с ребятами из бейсбольного клуба… Стёкла, вылетевшие сами по себе; упавшие сами по себе ящики для обуви… Кто-то из вчерашних очевидцев говорил об окровавленной фигуре в белом кимоно…

Вдруг Такая дёрнулся, как будто его сзади окатили ледяной водой, быстро обернулся – и остолбенел.

Группа призраков в белых погребальных одеждах стояла чуть поодаль, наблюдая за происходящим со стороны. Их распущенные волосы были спутаны, полупрозрачным телам и лицам недоставало частей. Под злобными, обвиняющими взглядами Такая почувствовал, как холодок ползёт по спине, и невольно содрогнулся.

«Это они…»

Такая впервые в жизни кожей ощутил, что такое ненависть. Он словно с головой окунулся в холодную, липкую грязь, в глубокую, беспросветную бездну, полную отчаяния и отторжения.

Ужас.

Прочувствовав это всем телом, Такая невольно обхватил себя руками. В голове у него зазвучали голоса призраков – сначала тихо, потом всё громче и громче.

«Два то пять сё…»

«Два то пять сё…»

Не знающая выхода ненависть обволакивала всё вокруг. Такая с силой зажал уши, но голоса не умолкали, громким эхом отдаваясь у него в голове.

«Два то пять сё…»

«Два то пять сё…»

Не выдержав, Такая замотал головой. Голоса призраков, полные ненависти и отвращения… Это было невыносимо!

«Замолчите!»

Воцарилась внезапная тишина. Призраки застыли, как подстреленные, потом превратились в дым и исчезли с глаз долой.

Но Такая далеко не сразу смог успокоиться.

«Тада Касукэ…»

Имя прочно засело в мозгу. Такая наконец поднял голову. Пострадавших медленно доставали из-под завалов. Пятна крови, сломанные дверцы ящиков, люди без сознания… Такая прикусил губу и сжал кулаки.

«Это всё из-за меня?.. – подумал он, болезненно прикрывая глаза. – Это тоже из-за меня?..»

С улицы донёсся приближающийся вой сирен скорой помощи. Посреди шума и суеты, заполнивших раздевалку, один Такая стоял, не шевелясь.

***

Зарядил дождь.

Отказавшись от предложения Наоэ подвезти, Такая отправился домой сам – без зонта и особо не торопясь, он уныло шагал по улицам под усиливающимся дождём и думал:

«Что же делать…»

Он сам ни разу не признал, что является тем, кем его называли. Кто-то решил это за него, и теперь пытался причинить ему вред – более того: в процессе начали страдать окружающие.

Такая не мог этого понять и не мог с этим смириться.

Сколько бы Наоэ и Аяко ни рассказывали ему о Кагэторе, Такая всё ещё не чувствовал, что речь идёт о нём самом. Он ничего не помнил, он ничего не мог, и вообще не собирался связываться с Усобицей Духов.

«Почему всё так выходит…»

Он уставился на асфальт под ногами, и капля воды скатилась с прилипших ко лбу волос.

«Что мне делать?..»

Он не является Уэсуги Кагэторой. Этот незнакомец – просто тень у него за спиной; глядя на него, Наоэ и Аяко видят эту тень, а вовсе не Оги Такаю. И в конечном итоге Наоэ – что бы он там ни говорил – ожидает от него, чтобы он был Кагэторой.

«А если нет?..»

В душу закралось сомнение.

«Если окажется, что это не я?..»

Сердце Такаи сжалось от тревоги – можно даже сказать, что это был страх. Он стал мишенью – и не имел никакой возможности защититься. Он боялся, что вину за причинённый другим людям вред кто-то захочет потом возложить на его плечи.

Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Изнутри поднималась мелкая дрожь – то ли от недавнего потрясения, то ли от того, что под холодными струями дождя он уже вымок, как мышь.

Как он раньше поступал в подобных ситуациях?

«Как?..»

Ему было холодно и хотелось тепла. Казалось, одно это решит все проблемы.

Он знал. Он знал – но почему-то всё равно отказывался.

Перед глазами вдруг встало лицо Наоэ в момент расставания.

Наоэ предложил подвезти – Такая отказался. Если честно, он не хотел их видеть. Не хотел, чтобы они отвечали на вопросы, на которые он должен ответить сам. Более того, он был зол: ведь это всё из-за них, из-за того, что они пытались сделать из него Кагэтору. Он мысленно обвинял их, и поворачивался к ним спиной, и уходил, но в глубине души…

Он хотел, чтобы кто-то пошёл за ним следом.

«Нет… Не может быть…» – поразился сам себе Такая.

Но почему-то только что мысль о желанном тепле вызвала из глубин сознания обеспокоенное лицо Наоэ.

«Я что, – изумлённо подумал Такая, – ищу ответов у него?»

И тут же отмёл эту мысль. Нет, категорически нет. Не может такого быть… Просто не может…

Такая вдруг замедлил шаг под проливным дождём.

«Нет…»

Он замер, как громом поражённый. Потому что на мгновение он захотел, чтобы Наоэ был рядом и защищал его.

«Это просто… ни в какие ворота…»

Он уже расклеился настолько, что ищет помощи у других, вместо того, чтобы рассчитывать только на себя? Такае вдруг сделалось страшно. Он почувствовал себя слабаком, затупившимся лезвием; чувство враждебности к людям, которое было необходимо ему для нападения, вдруг потеряло остроту, и он внутренне возмутился.

Искать защиты у кого-то другого? Совершенно недопустимо!

Но это желание, явственное настолько, что его требовалось сдерживать, поднималось из глубины души, и он отдавал себе в этом отчёт. Так он скоро может начать рассчитывать на милости судьбы, как последний дурак…

Как же быть? Это опасно. Это делает его слабым, а слабым ему становиться никак нельзя. Нет в жизни ничего страшнее, чем потребность в другом человеке. Это чувство, когда ты под чьей-то защитой… Стоит привыкнуть к нему – и он не сможет больше сражаться. Для него это будет конец.

«Я не могу позволить себе слабость, – уговаривал себя Такая изо всех сил, – совершенно не могу!»

В душе царил раздрай – столько разных чувств, и все они не поддавались контролю. Такая и сам понимал, насколько расшатаны сейчас его эмоции. В какой-то момент ему вдруг стало лень бороться с собой. Хочется тепла – так почему бы и нет? Почему бы не ввериться полностью кому-то другому? Но этого нельзя было делать…

Нельзя!

Поиски защитника – это не для него. Для кого угодно – но не для него. Если он сейчас позволит себе на кого-то опереться, ему захочется сбросить броню, которая все эти пять лет и так с трудом на нём держалась. Собственная хрупкость не была для Такаи секретом. Он знал, что, однажды почувствовав тепло, не сможет больше бороться, не сможет обнажать клыки – и это было страшно. Так страшно, что внутренний голос говорил ему: отвергай, отвергай напрочь любые проявления заботы.

И всё же…

«Смогу ли я обрести это?..»

Продолжая внутренне протестовать, Такая закрыл глаза.

«Смогу ли, если стану Кагэторой?..»

Капли дождя с шумом ударялись об асфальт. Когда Такая взобрался по узкой лестнице своего дома и остановился перед металлической дверью квартиры номер 302, он уже продрог до костей. Он достал ключ, но обнаружил, что дверь не заперта – значит, сестра вернулась раньше него. Такая толкнул дверь и позвал:

– Мия! Я дома!

Мия, в фартуке, высунула голову из кухни.

– Привет!.. Ой! Ты весь промок!

– Угу…

– Зонт забыл, да? Ну-ка быстро переодеваться! А то простудишься.

Сразу засуетившись, Мия сунула ему в руки полотенце и затолкала в ванную.

– Ты холодный, как ледышка. Залезай под душ, а то правда температура подскочит.

– Мия…

– Я принесу тебе, во что переодеться. И горячую воду включу.

Мия ушла искать для него сухую одежду, а Такая, окинув взглядом своё непрезентабельное отражение в зеркале, принялся стаскивать прилипшую к телу рубашку.

Отогревшись под горячим душем и переодевшись в принесённые сестрой джинсы и футболку с картинкой, с длинным рукавом, Такая отправился на кухню.

– Ты сегодня рано, – сказал он.

– Ага, клубное занятие отменили – у руководителя там что-то стряслось. Ну, я в магазин – и сразу домой.

Тряхнув длинным волосами с элегантной заколкой на затылке, Мия улыбнулась, по-детски непосредственно. Такая уселся за обеденный стол и обхватил руками кружку с горячим молоком, которая уже поджидала его там. Мия тем временем шинковала морковку.

– Что готовишь?

– Мы сегодня на домоводстве готовили рис Хаяси. Я запомнила, как он делается, и решила, что это будет наш ужин.

Мия, похоже, имела в виду сложный способ приготовления, когда нужно делать соус самому. Непонятно, зачем – ведь всегда можно пойти в магазин и купить полуфабрикат.

Вслух этого Такая не сказал – просто улыбнулся.

Оги Мия, младше Такаи на три года, сейчас училась во втором классе средней школы. Сегодня по расписанию у неё было занятие в кружке, поэтому ужин должен был готовить Такая, но Мия, видимо, решила избавить его от этого и заодно повторить пройденный на уроке домоводства материал.

Наблюдая за сестрой, вдохновенно смешивающей коричневый соус, Такая отхлебнул из кружки горячее молоко.

– А знаешь, что? Папа нашёл новую работу.

– Да? – переспросил Такая. – Он что, звонил?

– Ага. Сказал, что задержится, но – такие хорошие новости. – Мия бесхитростно улыбнулась. – Он сейчас не так много пьёт, как раньше, и с тобой меньше ругается… Я правда очень рада.

–…

– Хорошо бы он задержался на этой работе подольше…

– Хорошо бы, – тихо ответил Такая, а потом замолчал.

Их родители развелись, когда Такая был в первом классе средней школы. Причиной развода стал, по всей видимости, отец, который тогда потерпел неудачу в бизнесе и крепко запил. Мать потом снова вышла замуж и жила теперь в Сэндае.

В последовавшие годы отец много раз переходил с одной работы на другую, и только сейчас, кажется, слегка успокоился. Но в дни, предшествовавшие разводу, обстановка в

семье была хуже некуда: ежевечерняя ругань, агрессивный пьяный отец, крики и плач матери… Двенадцатилетний Такая мог только оберегать напуганную Мию и терпеть – больше ничего.

Родственники и знакомые тогда больше всего боялись, как бы финансовые проблемы не затронули их самих. Все вокруг грызлись из-за денег, и дети не видели от взрослых ничего, кроме неприкрытой злобы. Тёти и дяди, когда-то заботливые, и любившие раньше возиться с детьми друзья отца – все как один вдруг переменились, стали отстранёнными и злыми, словно ничего непонимающие Такая и Мия могли каким-то образом заразить их своим семейным несчастьем.

Такае ничего не оставалось, кроме как превратиться в щит для Мии. Потому что ни на кого из взрослых нельзя было положиться.

Когда весь мир на тебя оскалился – это страшно. Но он думал только о том, как защитить Мию – беспокоиться о своей собственной защите просто не было сил. Поэтому единственное, чему он научился – это принимать на себя удары со стороны взрослых.

«И ничего уникального нет в этой истории…»

Ему в самом деле было не до того, чтобы заботиться о себе самом. Тогда-то, возможно, у него и выработалась привычка: нападать первым, ранить, не дожидаясь, пока ранят тебя. Но этому он научился ради защиты других. Гораздо лучше ему удавалось терпеть – и тогда, и сейчас.

Таким образом, не успел он оглянуться – как превратился в нервного, недоверчивого человека, постоянно ждущего от жизни неприятностей.

И всё же…

«Я умею терпеть. Я могу вытерпеть».

Он мог быть щитом, заслоняющим других. От ран – пусть даже глубоких – ему всегда до сих пор удавалось оправиться. Он просто стоял под стрелами и проглатывал всё, что прилетало. Щит для себя? Сейчас? С какой стати? Он просто будет продолжать терпеть. Ему не нужно, чтобы его защищали.

«Мне никто не нужен».

Он никого себе не искал. Получать раны, ранить других – все эти годы его жизнь состояла из череды защит и нападений. Этим исчерпывались его отношения с людьми, это держало его в постоянном нервном напряжении, не оставляя места ни для чего больше – и, в конечном итоге…

«Что я таким образом приобрёл?»

– Луковый суп будешь? Консервы ещё остались. Такая… Такая!

Мие пришлось позвать несколько раз, потому что Такая не отвечал – он сидел, обхватив кружку, и его руки мелко дрожали.

– Что случилось? Тебе холодно?

Наконец Такая поднял голову и увидел перед собой обеспокоенное лицо сестры. Мия. Его единственная сестра, которую он защищал, не жалея себя.

«Если я в самом деле Кагэтора…»

Иными словами – перерождённый…

То защищать Мию изначально должен был кто-то другой, потому что Кагэтора украл это тело у Оги Такаи. Он – Кагэтора, но памяти Кагэторы у него нет; в этом смысле он Кагэторой по-настоящему не является.

То есть, он не является ни Кагэторой – ни Оги Такаей. Тогда человек, сидящий сейчас здесь и раздумывающий об этом…

«Кто я на самом деле такой?»

Мия смотрела на него встревоженно.

– Такая…

«Нет хоть какого-то чувства вины перед родителями, перед друзьями, которых вы обманываете?»

Вспомнив сказанные им самим когда-то слова, Такая криво усмехнулся.

«Как бы там ни было, но Мию хотел защитить именно я».

Кагэтора или нет – неважно. Какая разница, кто он на самом деле такой. Если случившееся в школе Дзёхоку произошло из-за него…

То ему с этим и разбираться.

«И ничья помощь мне не требуется».

Решение было принято. Если другие люди страдают по его вине…

«Пойду и сыграю роль добычи».

В лице Такаи промелькнула готовность сражаться, взгляд его миндалевидных глаз вновь обрёл присущую ему диковатую остроту.

Кто-то навязывает ему драку? Он будет драться. Сам, один.

Такая вдруг почувствовал невероятный прилив сил – как зверь, готовый к бою.

– Мия, – сказал он.

– А?

– Я отойду по делам сегодня вечером.

– Что? Уходишь? – глаза Мии округлились. – Тогда ужин лучше пораньше? Ты же поешь перед выходом? Я сейчас быстро приготовлю, подожди.

Этот бесхитростный ответ на мгновение привёл Такаю в замешательство. Он откинул волосы со лба, а потом вдруг улыбнулся.

– Конечно.

У него есть Мия. И Юзуру.

Этого достаточно.

***

Усилившийся дождь швырял косые струи в оконные стёкла, верхушки деревьев вокруг школы сгибались под порывами ветра. Как только клубные занятия закончились, ученики быстро разбежались по домам, спасаясь от непогоды – и школа Дзёхоку опустела.

Парень в школьной форме стоял в тени колонны. Сгусток белого света кружил в воздухе у него за спиной.

– Всё готово?

«В полной готовности, Ранмару-сама».

– Значит, остаётся только ждать, когда Кагэтора попадёт в ловушку. Ты и твои нуэ сидите за пределами барьера. В самом крайнем случае я вас позову.

«Слушаюсь».

– Хорошо. Когда придёт время, я сниму цепи с духов Касукэ, пусть порезвятся вволю.

Прислушиваясь к стонам гнущихся под ветром деревьев, парень тихо пробормотал себе под нос:

– Твоя могила готова, Кагэтора. Поторопись. Гости уже заждались тебя.

Струи дождя хлестали по земле.

– Давай, беги спасать школу от привидений – ради тех, кто здесь учится. Покажи мне эту *силу*, которая вышвырнула Сингэна из вместилища. – Губы его изогнулись в неприятной усмешке. – И тогда ты станешь героем трагедии, Оги-сэмпай.

Шторм бушевал всё сильнее, тёмные тучи нависали над зданиями. Школа Дзёхоку, переполненная негативной энергией, готовилась стать ареной печальных событий.